

РОССИЙСКАЯ  
АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ  
ПРОБЛЕМЫ  
ЕВРОПЫ  
URGENT  
PROBLEMS  
OF EUROPE

Научный журнал  
2017 – № 1

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ  
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА  
SHAPING THE STRUCTURE  
OF MULTIPOLAR WORLD**

Издается с 1994 г.  
Выходит 4 раза в год

Москва  
2017

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы  
Европы №1 / 2017**

«Агентство научных изданий»

2017

УДК 327.8  
ББК 66.2

### **Коллектив авторов**

Актуальные проблемы Европы №1 / 2017 / Коллектив авторов —  
«Агентство научных изданий», 2017 — (Журнал «Актуальные  
проблемы Европы»)

Рассматриваются проблемы формирования новых полюсов современного мира. Анализируются различные способы взаимодействия основных центров силы – США, Евросоюз, Китай и др., а также способы их сосуществования в современной системе международных отношений.

УДК 327.8  
ББК 66.2

© Коллектив авторов, 2017  
© Агентство научных изданий, 2017

## Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
I. Глобальные проблемы и вопросы теории	8
Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке	8
Халифат как мера всех вещей: к вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции	19
«Новая нормальность» китайской внешней политики? 1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# Актуальные проблемы Европы № 1 / 2017 Формирование структуры многополярного мира

## Сведения об авторах

**Братерский Максим Владимирович** – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Америки Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (bratersky@gmail.com)

Bratersky M.V. – doctor of Sciences (Sc.D. in political sciences), leading researcher, head of sector, department of Europe and America, INION, Russian Academy of sciences, professor of the Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, leading researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

**Демиденко Сергей Владимирович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Международной политики и зарубежного регионоведения факультета гуманитарных наук Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). (fide/2007@yandex.ru)

Demidenko S.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), head of department of international politics and foreign regional studies of the Liberal Arts faculty, Institute of social studies, Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA).

**Земляная Анастасия Сергеевна** – студент программы магистратуры «Европейские исследования» НИУ ВШЭ, исследователь аналитического центра (Think Tank) Молодежной ассоциации за Большую Европу. (a.s.zemlyanaya@gmail.com)

Zemlyanaya A.S. – student, European studies program, Higher school of economics, researcher Think Tank of the Youth Association for a Greater Europe.

**Иванова Анна Константиновна** – младший научный сотрудник ИНИОН РАН, аспирант Института Европы РАН. (annaivanova-msu@ya.ru)

Ivanova A.K. – junior researcher, INION, Russian Academy of sciences, postgraduate student, Institute of Europe, Russian Academy of sciences.

**Канаев Евгений Александрович** – доктор исторических наук, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, заведующий сектором Азиатско-Тихоокеанского региона Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (e.a.kanaev@gmail.com)

Kanaev E.A. – doctor of sciences (Sc.D. in history), professor of the Faculty of world economy and international affairs, head of Asia-Pacific division, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

**Ковалев Игорь Георгиевич** – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, первый заместитель декана, заместитель декана по науке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (ikovalev@hse.ru)

Kovalev I.G. – doctor of sciences (Sc.D. in history), professor of the department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, First

deputy dean, Deputy dean for research of the Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

**Новиков Дмитрий Павлович** – аспирант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (dp.novikov@hse.ru)

Novikov D.P. – postgraduate student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

**Пятачкова Анастасия Сергеевна** – младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, аспирант департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (aryatachkova@hse.ru)

Pyatachkova A.S. – junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, postgraduate student of the department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

**Скриба Андрей Сергеевич** – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (askriba@hse.ru)

Skriba A.S. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

**Тихонов Сергей Владимирович** – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (stikhonov@hse.ru)

Tikhonov S.V. – research assistant, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

**Трунов Филипп Олегович** – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, преподаватель Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. (1 trunov@mail.ru)

Trunov Ph. O. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), researcher, department of Europe and America, INION, Russian Academy of sciences, lecturer of the Faculty of world politics, Moscow State University.

**Чернявская Кристина Игоревна** – стажер-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, аспирант департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (kchernyavskaya@hse.ru)

Chernyavskaya K.I. – research assistant, Faculty of world economy and international affairs, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, postgraduate student, department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

**Юд Анри Поль** – профессор Военной академии Сен-Сир, один из директоров Исследовательского центра внешней политики и войны (CREC), основатель и вице-президент Европейского общества военной этики (EuroISME). (henri.paul.nude@gmail.com)

Hude Henri Paul – professor of the Special military school of Saint-Cyr (École spéciale militaire de Saint-Cyr), one of the directors of the Research center of foreign affairs and war (Centre de recherche des Écoles de Saint-Cyr, CREC), founder and vice-president of International society for military ethics in Europe (EuroISME).

## Введение

К сожалению или к счастью, мы живем в эпоху перемен. В далеком прошлом осталась холодная война с ее глобальным противопоставлением двух систем, но в прошлое уходит и американоцентричный мир глобализации, признававший правильной только одну форму политического устройства и организации экономики.

Линии, сегментирующие меняющийся мир, сегодня проходят не только по линии Запад – не-Запад. Мировые державы и группы стран все реже соглашаются друг с другом по вопросам признания глобальных правил поведения в отношении торговли, инвестиций, управления финансами, монополизации технологических достижений. У них формируется неодинаковое видение темы справедливости, они руководствуются в своей политике разными этическими нормами, они расходятся в оценке того, какими правилами и ограничениями обязаны руководствоваться страны в своем поведении на международной арене.

Предлагаемая в данном номере журнала подборка работ обращается к теме перемен в современном мире и пытается обозначить контуры наступающего будущего и прорисовать на карте мира некоторые из политических и идеологических факторов, это будущее формирующих.

Серия статей в первой части номера посвящена тому, как некоторые страны и цивилизации, непосредственно влияющие на развитие системы международных отношений, ее видят. Американское видение этого вопроса не идентично китайскому, а исламское мировоззрение перпендикулярно и ни в чем не совпадает с европейским пониманием идеального международного порядка.

Часть статей, подготовленных для данного выпуска журнала, посвящена актуальным проблемам регионального масштаба, оказывающим непосредственное влияние на формирование мирового порядка в целом. В центре внимания оказываются процессы формирования новых политических и экономических структур на Тихом океане и в Атлантике, а также вопросы трансформации Евросоюза после выхода из него Великобритании.

Наконец, заключительная часть номера включает в себя несколько работ, посвященных конкретным страновым вопросам, тем не менее являющимся показательными и характерными для современного этапа мирового развития. Одна из статей посвящена новому отношению ФРГ к применению собственной военной силы – теме, не стоявшей на повестке дня несколько десятилетий. Другая интересная работа анализирует частный случай «мира после санкций». Санкции и экономическое оружие применяются сегодня в мире каждый день, и на примере возвращения ФРГ к сотрудничеству с Ираном автор пытается выяснить, насколько применение санкций закрывает (или открывает) перспективу для будущего сотрудничества, в какой степени страна, участвовавшая в проведении санкций, может, вернувшись, восстановить свои позиции в местной экономике.

*М.В. Братерский*

## І. Глобальные проблемы и вопросы теории

### Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке

*М.В. Братерский*

**Аннотация.** В условиях высокой степени взаимозависимости, ставшей результатом глобализации в торговой, финансовой и транспортной областях, государства рассматривают ее как фактор национальной безопасности и рычаг внешней политики. Политическая борьба между крупными государствами и торговыми блоками в XXI в. все больше опирается на использование собственных торговых, финансовых, нормативных и инфраструктурных преимуществ над другими странами. Политика национальной безопасности предполагает сокращение собственной зависимости от стран-соперников. При этом интересы экономической выгоды все чаще приносятся в жертву государственным интересам национальной безопасности.

**Abstract.** In the situation of high interdependence, resulting from globalization in trade, finance and transportation, states are increasingly considering interdependence as a national security issue and as a tool of foreign policy. Political struggle between the great powers in the XXI century relies on the use of own trade, financial normative and infrastructural advantages over other countries. National security policy today involves the strategy aimed at decreasing own vulnerability from rival countries. Economic benefits are sacrificed for the gains in national security.

**Ключевые слова:** глобализация, внешняя политика, международная торговля, национальная безопасность, финансы.

**Keywords:** globalization, foreign policy, international trade, national security, finance.

В первое десятилетие нового века в международной жизни сложилась уникальная и опасная ситуация.

С одной стороны, противоречия между крупными державами и региональными блоками не только не исчезли, но и, наоборот, усилились. Прогноз о том, что в отсутствие идеологических противоречий общий экономический интерес участия в глобальной экономике приведет к гармонизации отношений между великими державами, оказался неисполнимым. Интенсифицировались старые геополитические споры по поводу распределения власти в мировой и региональных системах. К ним добавились новые противоречия идеологического и геоэкономического плана. Основные конфликты (борьба) сегодня разворачиваются по линиям США+ЕС – Россия и США – Китай, хотя это далеко не единственные сферы напряжения. В центре конфликтов находятся как важнейшие международные вопросы, среди них вопросы суверенитета и права на самоопределение, права стран на обеспечение своей безопасности, роли ООН и международного права, а также мировой политической архитектуры, так и экономические – вопросы мировой валютной и финансовой систем, торговли, инвестиций, регулирования международных финансовых рынков и трансфера технологий.

С другой стороны, традиционный способ разрешения таких противоречий и нахождения нового баланса сил и конфигурации мировой системы, которым всегда являлась большая война, в данном случае глобальная, сегодня малоприменим. Основным препятствием к войне сегодня является наличие ядерного оружия, хотя существуют и другие препятствия на военном пути решения международных проблем.

Сегодня, в ситуации обострения отношений между Россией и Западом, а также между Китаем и Западом (включая Японию), в мире создалась, по сути, предвоенная ситуация.

Однако война, судя по всему, не начнется, и стороны в споре (спорах) будут пытаться реализовать свои цели не военными, но другими достаточно эффективными методами. Каждая из сторон будет пытаться использовать свои относительные преимущества и делать акцент на тех сферах взаимоотношения, где она сильнее, а соперник – слабее.

Основой этих методов сегодня является использование асимметрий во взаимозависимости различных стран, региональных блоков и секторов мировой экономики. Основными формами воздействия становятся санкции, ограничения на пользование рынками и передачу технологий, строительство экономических блоков, инвестиции и вывод инвестиций, другие политические манипуляции с экономическими отношениями между странами. Все в большей степени великие державы начинают выстраивать свою внешнеэкономическую политику не в интересах рынка.

Не стоит полагать, что использование асимметрий во взаимозависимости, собственной экономической, финансовой или институциональной мощи в качестве инструментов внешней политики является совершенно новым явлением и не нашло своего отражения в литературе. Торгово-экономические санкции, например, с разной степенью эффективности используются в мировой политике уже почти 200 лет, в последние 20 лет мир все чаще становится свидетелем использования финансовой мощи, различного рода финансовых и инвестиционных ограничений, зарубежной помощи в политических целях.

Соответственно, на сегодняшний день существует довольно значительный слой литературы, посвященный одному из известнейших экономических инструментов внешней политики – экономическим санкциям. Здесь прежде всего следует отметить основополагающие работы М. Дауди и М. Даджани [Daoudi, Dajani, 1983], Дж. Хелмса [Helms, 1999], Г. Хафбауера и других [Economic sanctions..., 2007]. Появились актуальные работы, посвященные санкциям ЕС против России [Oxenstierna, Olsson, 2015]. Есть несколько интересных работ, посвященных использованию финансовых санкций и глобального доминирования Соединенных Штатов в глобальной финансовой инфраструктуре в политических целях [Golub, 2010; Kagan, 2012]. Опубликовано также несколько синтетических работ, объединяющих анализ использования нескольких разнообразных экономических инструментов в интересах внешней политики [Baldwin, 1985; Power and the purse..., 2000; Невоенные рычаги..., 2012]. Наконец, в 2016 г. появилась интереснейшая работа, поставившая перед собой задачу анализа использования асимметрий во взаимозависимости в современной глобальной политике [Connectivity wars..., 2016].

Научной теорией среднего уровня, обосновывающей использование взаимозависимости как инструмента политики и как фактора национальной безопасности, следует признать теорию секьюритизации, разработанную Копенгагенской школой международных отношений. В основе так называемой теории секьюритизации Копенгагенской школы лежит утверждение об узости традиционного понимания безопасности, сфокусированного преимущественно на вопросах, касающихся безопасности в военной сфере. Основные положения данной теории были изложены Б. Бузаном и О. Вейвером [Buzan, Wæver, Wilde, 1998].

Одним из основных подходов этой ставшей очень популярной теории является расширение традиционного понимания сферы безопасности с исключительно военных вопросов на другие аспекты взаимоотношений, такие как торговля, энергетика и инфраструктура. Авторы теории предлагают рассматривать в качестве сфер безопасности, в дополнение к военной, также экономическую, экологическую, политическую и социальную сферы, т.е. поднимают вопрос о том, что зависимость от других государств в этих сферах может представлять собой угрозу национальной безопасности. Упрощенно концепция секьюритизации может быть описана на примере ситуации, когда национальная экономика и даже жизнедеятельность страны критически зависят от импорта. В этом случае поставщики данной продукции могут использовать свои поставки как рычаг для получения политических преимуществ.

Критики теории секьюритизации справедливо указывают на тот факт, что в прошлом весьма высокий уровень торгово-экономической связанности Германии и Франции, например, никогда не мешал им воевать. Этот аргумент следует признать, но сегодня мир оказался в новой стратегической ситуации, когда уровень взаимозависимости в некоторых областях (финансы, технологии, инфраструктура) беспрецедентно велик, а цена военных действий запредельно высока во всех смыслах. Сегодняшний день мировой политики во многом отличается от прошлых лет уровнем взаимозависимости между странами. Это взаимодействие вышло на качественно новый уровень, и если в прошлом взаимозависимость могла создавать в политике определенные неудобства или, наоборот, несколько усиливать переговорные позиции по тому или иному вопросу, то сегодня проблемы взаимозависимости могут становиться вопросами жизни и смерти для целых государств.

### **Природа новых инструментов внешней политики**

Одной из основных характеристик современного мира является рост комплексной взаимозависимости между государствами, которая определяется тремя особенностями: 1) возникновением множества разноуровневых каналов коммуникаций между экономиками, обществами, правительствами и политическими сообществами разных стран; 2) исчезновением соподчиненности разных вопросов – по своему влиянию на отношения между странами мало-важные (в традиционном понимании) вопросы могут перевешивать те вопросы, которые в традиционной повестке дня считались центральными (вопросы военной безопасности, например); 3) возникновением ограничений на применение военной силы.

Сам по себе рост взаимозависимости между государствами не является новостью [Keohane, Nye, 1987], но особенностью настоящего момента является то, что эта взаимозависимость в большинстве случаев асимметрична. Другими словами, в определенной сфере, в некоем вопросе страна А больше зависит от страны Б, чем наоборот. В ином вопросе асимметрия взаимозависимости может быть обратной. То есть страна А может зависеть от страны Б в области поставок электроэнергии, а страна Б может зависеть от страны А в области коммерческого кредитования. Соответственно, у каждой из сторон возникает соблазн и возможность использовать эту асимметрию взаимозависимости в политических целях. Государства обратили внимание на эту сторону международных отношений и стали энергично использовать ее в своей внешнеполитической практике.

Первым, наиболее старым инструментом использования своих торгово-экономических преимуществ стали торгово-экономические санкции, которые, хотя и используются во внешнеполитическом инструментарии более 200 лет, все же применяются массово и системно с 1960-х годов XX в. В начале 2000-х годов США стали использовать различного рода ограничения в допуске компаний из «плохих» стран на собственный финансовый рынок в качестве политического инструмента. Кризис 2007–2008 гг. дал начало массовой политике ограничений на стратегические инвестиции из-за рубежа (из «плохих» стран) в собственную экономику, эту политику стали проводить не только Соединенные Штаты и ЕС, но и другие государства, среди которых Россия и Австралия. 2010-е годы отметили начало использования «умных санкций», включающих блокировку финансовых транзакций, проводимых в интересах стран-противников. Примерно в это же время КНР выступила с несколькими крупными инфраструктурными и институциональными инициативами, имеющими серьезный политический подтекст. В качестве примера «оборонительной» политики в ответ на угрозы такой природы можно привести политику импортозамещения, инициированную Россией в условиях санкций, объявленных против нее.

## Научно-идеологическое измерение новой внешней политики, или Деньги решают не все

На идеологически-понятийном уровне во внешнеполитической дискуссии присутствуют два основных подхода. Они по-разному описывают мир, по-разному трактуют движущие силы развития и устройство международного порядка.

*Либерализм* делает акцент на международном сотрудничестве, возникающем в результате международной торговли и финансово-экономических связей, на абсолютных выигрышах от международной кооперации. Другими словами, для этого подхода не важно, как много на данной сделке (процессе) зарабатывает наш международный «партнер». Главное – то, что нам самим что-то досталось и в результате международного сотрудничества у нас прибавилось неких благ (как правило, экономических). Именно либеральный подход и являлся идеологической основой «глобализации по-американски», развернувшейся в 1980–2000-х годах. Ее нормативно-идеологическую сторону можно охарактеризовать следующим образом: 1) страны участвуют в глобализации потому, что это выгодно, и международное сотрудничество (интеграция в мировую экономику) обязательно принесет каждой стране (ее населению) выгоду в форме повышения благосостояния; 2) Соединенные Штаты и Запад в целом получают относительно большую выгоду, что, во-первых, не важно, во-вторых, справедливо, потому что именно они создали и поддерживают такую систему сотрудничества.

Процесс «глобализации по-американски» начал тормозиться в 1990-х годах, так как все больше стран-участниц стали приходить к выводу, что их не устраивает место в мировой экономике и мировой политике, которое им отводится. Национальные государства со своими традиционными интересами в области национальной безопасности и политической автономии никуда не исчезли. Государства же по своей природе рассматривают систему взаимоотношений между собой не с точки зрения либерализма, а с точки зрения конкуренции и собственных национальных интересов.

*Национализм* же ставит на первый план интересы своего государства и рассматривает систему международных взаимодействий, в частности торговлю и инвестиции, не столько с точки зрения экономической выгоды, сколько с точки зрения баланса сил. Если в результате некой торговой политики (торгового соглашения) страна А заработает меньше, чем ее партнер и соперник страна Б, то страна А не примет такого соглашения, причем в основе такого решения будет лежать не жадность, а соображения национальной безопасности. В данной системе координат асимметрия выгод от соглашения приведет к изменению баланса сил между участниками соглашения: страна Б станет богаче и, следовательно, сильнее, чем страна А (богатство легко трансформируется в военную силу, например), а это недопустимо, так как негативно отразится на состоянии национальной безопасности страны А.

В разрезе практической политики подходы экономических националистов имеют гораздо более широкое применение, чем в примере выше. Центральными понятиями такого подхода являются чувствительность и уязвимость. Чувствительностью называется такое состояние национальной экономики, общества и политикума, когда они болезненно реагируют на определенные действия из-за рубежа, как правило, в экономической и информационной сферах. Уязвимостью называется состояние, когда действия из-за рубежа могут создать кризисную ситуацию. Например, международные санкции против Ирака в 1990-е годы более чем на 40% обвалили экономику страны, создали дефицит валюты, в результате чего Ирак не смог в достаточном количестве закупать медикаменты. В отсутствие национального производства лекарств дефицит медикаментов привел к многочисленным (сотни тысяч) смертям.

Соответственно, конкурентная логика подталкивает участников международных отношений к такой политике, которая а) минимизирует чувствительность и уязвимость их внут-

ренней системы (национальной экономики, политической системы, социума) перед внешними факторами и воздействиями и б) максимизирует чувствительность и уязвимость внутренних систем стран-конкурентов перед собственными воздействиями. Задачей становится стать максимально независимым от других и сделать других максимально зависимым от себя.

В этой связи разумной внешней политикой стала считаться политика, ориентированная не только на максимизацию экономической эффективности международных связей, но и на минимизацию собственной уязвимости перед геополитическими конкурентами и максимизацию их уязвимости перед собственными воздействиями. В рамках такой парадигмы, парадигмы национальной безопасности, разумная политика будет препятствовать кредитованию собственной экономики со стороны геополитических конкурентов, несмотря на временные экономические выигрыши, так как конкуренты могут использовать возникающую зависимость в собственных политических интересах. И наоборот, правильно будет выстраивать систему экспорта собственных энергоносителей, например, или транспортную сеть таким образом, чтобы геополитический конкурент попал в зависимость от нее и чтобы эту зависимость можно было использовать в собственных геополитических целях. Важно обнаружить слабость конкурента и получить контроль над этой слабостью.

В 2010-х годах такой подход стал все чаще проявляться в политике крупных держав и в ситуации обострения геополитических противоречий лег в основу современной квазисиловой политики. Торговые и финансовые санкции, контроль над миграционными потоками, строительство инфраструктуры, формирование региональных экономических объединений – все эти сферы используются сегодня не только для сотрудничества, но и для соперничества.

### **Война потенциалов взаимозависимости**

В современном асимметричном мире взаимозависимостей государства (блоки) имеют различные относительные преимущества, а также различные относительные слабости. Так, например, Европейский союз, будучи крупнейшей экономикой мира, обладает огромной экономической привлекательностью и, следовательно, нормативной силой. Любая страна, желающая воспользоваться преимуществами работы на его рынке, вынуждена принимать технические и юридические стандарты, формулируемые ЕС. Вместе с тем ЕС страдает от высокой степени зависимости от внешних игроков (России, например) в энергоснабжении, а в области контроля над миграцией зависит от решений Турции. Соответственно, политика ЕС состоит в том, чтобы усилить свою нормативную мощь и минимизировать уязвимость в области энергоснабжения и иммиграции.

Описывая относительные конкурентные преимущества и слабости основных международных игроков, нужно отметить следующее.

*Соединенные Штаты Америки.* В первую очередь – это финансовая сверхдержава. Национальные финансовые власти США регулируют мировое обращение доллара и тем самым воздействуют на развитие мировой финансовой системы, инвестиций, экономики в целом. В конкретном плане США обладают возможностью отслеживать и запрещать любые транзакции в долларах США, независимо от того, между кем и в какой части мира они осуществляются. Во-вторых, используя свою юрисдикцию экстерриториальным образом, США имеют возможность регулировать (блокировать) многие международные инвестиционные процессы. Финансовые институты и банки третьих стран обычно вынуждены выполнять указания политических и судебных властей США, так как альтернативой для них становится отлучение от самого глубокого и выгодного финансового рынка в мире, а также конфискация их активов (штрафы) в США.

США – технологическая сверхдержава, они контролируют существенную часть создания и трансфера технологий в мире. Путем либо собственных разработок, либо скупки умов

и патентов США обеспечили себе технологическое превосходство, которое воспроизводится международным режимом защиты интеллектуальной собственности. Этот режим выгоден США и другим странам – производителям интеллектуальной собственности и не выгоден странам-потребителям.

США – информационная сверхдержава. Аппаратно-программные средства, доступные американскому государству и американскому бизнесу, дают США как серьезное политическое преимущество над конкурентами, так и позволяют обеспечить лидирующие позиции на коммерческих рынках, прежде всего финансовых. Используя свои финансовые и информационные возможности, США, по сути, создали новую экономическую модель, в которой у них нет конкурентов.

Основная уязвимость США состояла в зависимости от импорта энергии, прежде всего – нефти. Сегодня благодаря новым технологиям добычи Соединенные Штаты эту уязвимость ликвидировали.

Асимметрия, в которой Соединенные Штаты относительно слабы, – это строительство транспортной и промышленной инфраструктуры в Евразии и Африке. Лидером в этой области выступают Китай и отчасти Россия.

*Китай* – инфраструктурная держава. Китай является лидером в создании международной транспортной инфраструктуры. Те страны, которые будут на нее «нанизаны», получают экономическую пользу от ее использования при уважении интересов Китая и могут быть «отлучены» от нее в случае неуважения его интересов. Следует отметить, что инфраструктура по своей природе является монополией, двух полноценных инфраструктур на одной территории не бывает, поэтому она является очень эффективным инструментом политического влияния.

Другим потенциальным преимуществом Китая является рост его внутреннего потребительского рынка. Наличие крупного потребительского рынка обеспечивает стране сильные позиции в конкуренции за международный капитал. Другими словами, международный капитал оказывается настолько заинтересован в присутствии в данной стране (блоке) и эксплуатации данного рынка, что ему приходится идти на уступки национальному государству и принимать его условия. Опосредованно это означает возможность диктовать некие условия странам происхождения капитала.

*Европейский союз* – нормативная держава. Европейский союз обладает не только наиболее обширным внутренним рынком, что делает его полюсом притяжения для компаний всего мира, но и детализированными правовой и нормативной системами. В результате своей экономической привлекательности ЕС оказывается в положении, когда он может навязывать свои нормы и правила зарубежным странам, чьи компании и экономики желают сотрудничать с ЕС.

Уязвимостями Европейского союза являются:

– отсутствие военной силы и полная зависимость в обеспечении военной безопасности от Соединенных Штатов;

– импорт энергии, особенно это относится к природному газу. ЕС энергично борется с этой уязвимостью, наращивает внутреннее производство энергии, увеличивает количество поставщиков энергии на внутренний рынок, ограничивает их относительные доли;

– иммиграция; неожиданно для многих ЕС был накрыт волной беженцев с Ближнего Востока и из Африки и оказался не готов контролировать этот процесс;

– идеологическая косность; европейские ценности в той форме, как они сегодня формулируются, делают ЕС беспомощным перед лицом многих вызовов, например иммиграционным или этико-религиозным.

*Россия* – геополитическая держава. Несмотря на то что в целом ряде областей Россия обладает относительным преимуществом над некоторыми соседями (привлекательный рынок труда для жителей Средней Азии, которым можно манипулировать, или важный источник поставок энергоносителей для Евросоюза, особенно для его конкретных стран), ни в одной из

этих областей у России нет абсолютного влияния. Основным российским активом является размер и географическое положение страны, в результате чего без конструктивной и благожелательной позиции России трудно решать серьезные вопросы на Ближнем Востоке и в Передней Азии, в Центральной и Восточной Европе, Восточной Азии. Как определяют ситуацию некоторые западные авторы, уникальное преимущество России состоит в том, что она может вмешаться в почти любой процесс по ее периметру и помешать нахождению решения, не учитывая ее интересы.

### **Основные театры асимметричных действий**

В создавшейся ситуации крупные страны и их блоки используют самые разные возможности, предоставленные им возросшей взаимозависимостью. На сегодняшний день наиболее очевидными сферами соперничества являются следующие области.

#### **Сфера внешней торговли**

– Поставки энергоносителей как особая форма торговли. Борьба идет за повышение энергозависимости партнера и снижение собственной энергозависимости. Важным фронтом этой борьбы является защита соперничающими сторонами двух типов технологий транспортировки газа, которые во многом определяют тип создаваемого рынка: будет ли он более централизованным (монополизированным) или децентрализованным (конкурентным), – технологии транспортировки газа по трубам и технологии сжиженного природного газа (LNG). В большей степени такого рода соперничество относится к стратегии торговли природным газом, но в некоторой степени – и к торговле нефтью.

– Ограничения на поставки технологий, критически важных для благосостояния страны (например, технологий добычи нефти). В основном такого рода инструменты внешней политики опасны для моноэкспортных стран и стран с малодиверсифицированной экспортной экономикой.

– Запрет на продажу компонентов и материалов, являющихся незаменимыми в цепочках добавленной стоимости. Сегодня трудно найти производство, полностью локализованное лишь в одной стране. Как правило, часть материалов и компонентов поставляется из других стран. Соответственно, ограничения на поставки таких компонентов и материалов затруднят или остановят производство на конкретной национальной территории.

– Отказ от продажи технологий, обеспечивающих стратегические направления научно-технического прогресса и конкурентоспособность страны в целом. Передовые, прорывные технологии, обеспечивающие технологическое лидерство и сильные коммерческие позиции на мировом рынке, не продаются. С одной стороны, это определяется коммерческой политикой фирм, которым эти технологии принадлежат. С другой – за этим внимательно следят государства, где эти технологии созданы. Подобные вещи рассматриваются как национальное стратегическое преимущество и не подлежат, как правило, передаче другим странам. Если передача (продажа) одобряется, это является политическим решением.

#### **Сфера кредитования и инвестирования**

– Ограничения и запрет на доступ к финансовым рынкам (кредитному и рынку ценных бумаг, рынку IPO), перекрытие внешнего финансирования в экономику страны. Объединенный Запад, прежде всего Соединенные Штаты, в силу разных причин владеют наиболее глубокими и дешевыми рынками капитала на планете. Соответственно, те страны, которые соглашаются с американским лидерством, допускаются к работе на этих рынках, другие страны – не допускаются. Целью ограничений в допуске определенных стран на этот рынок является повышение стоимости капитала для экономики такой страны и, соответственно, торможение ее

экономического развития. Противодействие такой политике состоит в развитии национального рынка капитала (внутреннего) и поиске альтернативных источников кредитования на политически более лояльных рынках.

– Проведение кампаний по выводу инвестиций из соперничающих государств (деинвестирование). Достигается путем проведения информационных кампаний, политического давления на собственный и зарубежный бизнес, сделавший инвестиции в той или иной стране, снижение инвестиционного рейтинга страны – объекта кампании.

#### Сфера денежного обращения

– В исключительных случаях страны – владельцы международных валют могут перекрывать международные платежи в долларах США и в евро, проводимые в интересах страны (компаний страны) соперника. Система международных транзакций устроена таким образом, что транзакции в определенной валюте, вне зависимости от того, в какой точке мира они производятся и кто выступает в качестве сторон такой транзакции, всегда проходят через национальную финансовую систему страны – владелицы этой валюты. Соответственно, такая организация платежей позволяет стране – владелице валюты не только получать исчерпывающую информацию по всем таким транзакциям, но и при необходимости блокировать их.

#### Инфраструктура

– Строительство транспортной, энергетической и информационной инфраструктур, от которых соперник будет зависеть стратегическим образом, создание инфраструктурных альянсов. Цель подобной политики состоит в том, чтобы «нанизать» экономику стран – объектов своей политики на собственную инфраструктуру (дороги, трубопроводы и прочее). В результате экономический рост и политическая независимость страны-объекта все в большей степени попадают в зависимость от допуска к такой инфраструктуре. В то же время такая форма внешней политики таит в себе потенциальную опасность национализации или захвата инфраструктуры политическим оппонентом.

– Использование в политических целях международной финансовой инфраструктуры, системы расчетов и частные сети типа VISA. В период роста политической напряженности между Западом и Россией звучали голоса с призывами отключить Россию от системы международных расчетов. Противодействием такой политике является политика создания национальной платежной системы.

– Навязывание правил использования киберпространства в интересах собственной экономики и финансовой модели. Киберпространство (Интернет) также можно рассматривать как инфраструктуру. В разрезе растущего соперничества на международной арене существенным является то, по каким правилам эта инфраструктура используется. Позволяют ли эти правила проводить информационные кампании на территории других стран, разрешают ли они проводить посреднические и другие бизнес-операции на территории других экономик – сегодня эти вопросы горячо дебатированы.

#### Информация

– Кибервойны, информационные войны, диверсии, подрыв репутации и инвестиционного климата соперника – все эти инструменты стали неотъемлемой частью международной политической борьбы.

– Важнейшим ресурсом соперничества государств является сбор и обработка информации о сопернике. Киберлидеры современного мира обладают запредельными компьютерными и коммуникационными мощностями, позволяющими им получать информационное преимущество над соперником.

#### Институты

– Создание собственных квазиглобализационных проектов «для своих», ограниченных географически и по политическим принципам. Примерами таких проектов являются американские ТТП и ТТИП, европейский ЕС, евразийский ЕАЭС. Задачей этих проектов является не столько наращивание внутренней торговли, как это было раньше, но в большей степени наращивание конкурентоспособности в глобальной экономике по отношению к другим блокам и неприсоединившимся странам. Подобные блоки призваны конкурировать за международный капитал, нормы и стандарты, международные правила торговли и инвестиций.

– Политизация существующих международных институтов, вроде МВФ.

– Создание параллельных международных институтов, вроде МБИИ. В условиях, когда традиционные международные институты находятся под контролем западных стран, а их реформа тормозится Соединенными Штатами, растущие великие державы приступили к созданию параллельных международных институтов, которые действовали бы в их интересах.

Отдельным инструментом использования взаимозависимостей на сегодня является *использование потоков мигрантов* для ослабления соперника или получения рычага политического воздействия на него.

### Общие выводы

*Нельзя разделять внешнюю политику и внешнеэкономическую политику.* Не только в нашей стране, но и за рубежом принято разделять политику и экономику: политика, мол, построена на идее достижения безопасности и власти, а экономика – полезности и эффективности. В реальной жизни, особенно при выстраивании своего отношения к окружающему миру, страны вынуждены интегрировать оба подхода: государству нужны как безопасность и влияние, так и богатство. В результате решения в области внешнеэкономических связей (торговли, как принято это обозначать на Западе) принимаются с учетом соображений национальной безопасности, а внешнеполитические решения нередко преследуют цель повысить заработки национальной экономики на мировом рынке.

*Мировая торговля перераспределяет военно-политическую мощь, нужно относиться к ней соответственно.* Международная торговля выгодна для всех ее участников, но выгодна им в неодинаковой степени. Одна страна накапливает богатство (а следовательно, и военно-политическую мощь) быстрее, чем другая. В результате меняется соотношение сил, что отражается на национальной безопасности стран – участниц торговли. Распределение выгод от торговли зависит от правил, по которым торговля ведется. Правила же пишутся политиками – так политическая мощь устанавливает правила международной торговли, которые влияют на перераспределение политической мощи и богатства в будущем. Политик, использующий экономическую мощь как оружие войны (в виде санкций против другой страны, например), жертвует краткосрочной эффективностью международной торговли своей страны для повышения ее долгосрочной эффективности. Другими словами, он объявляет санкции и принимает на свою экономику краткосрочные убытки, с тем чтобы ослабить оппонента экономически и политически и вынудить его принять в будущем систему политических и торговых правил, которые обеспечат стране политика долговременный выигрыш в безопасности и богатстве.

*Страны собираются в команды, меняется природа регионализации.* Меняется природа и характер глобализации. С одной стороны, она перестала быть либеральной. С другой стороны, глобализация теряет универсальность в части формирующих ее отношений и институтов. Она принимает форму интенсификации отношений, в том числе интеграционных, на региональном, двустороннем и «министороннем» (т.е. с относительно небольшим числом участников) уровнях. Обострение конкуренции, перераспределение сил в мире и общая уязвимость перед внешней средой толкают ключевых игроков к тому, чтобы стремиться к формированию вокруг себя благоприятного окружения хотя бы на уровне регионов. Формируются реги-

ональные экономические сообщества и сообщества безопасности, содействующие развитию и безопасности входящих в них стран, и прежде всего их лидеров. «Классические» региональные экономические группировки (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР) вплетаются в более масштабные трансконтинентальные или трансокеанские сообщества. Причина – недостаточность «узких» региональных образований для поддержания конкурентоспособности в глобальном масштабе в условиях постоянно усиливающейся глобальной конкуренции. Новые «большие» сообщества не носят интеграционный характер, но предполагают более интенсивные режимы и общие правила торгово-экономического взаимодействия. Такие сообщества компенсируют странам-участницам их относительные слабости, возникающие в результате асимметрии взаимозависимости.

### **Выводы для политики России**

Стратегические вопросы внешнеэкономических отношений, экономического курса, политики Центрального банка следует решать не только на основании экономической экспертизы, но и с привлечением экспертизы национальной безопасности, с тем чтобы определить, какие политические последствия может иметь то или иное экономическое решение. Политическая экспертиза необходима при подготовке и реализации крупных межгосударственных инфраструктурных проектов, в том числе проектов государственных и частных компаний.

Экономическая и промышленная политика страны должна ставить своей целью не только стимулирование экономического роста, но и ликвидацию внутренних уязвимостей страны, которые могут быть использованы для политического давления на нее. Внешнеполитические ведомства должны выступать с рекомендациями экономическим ведомствам по вопросу о том, зависимость каких стран от России следует повысить. И выходить в этом отношении с собственными предложениями.

### **Список литературы**

- Невоенные рычаги внешней политики России: Региональные и глобальные механизмы / М.В. Братерский (Ред.). – М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. – 280 с.
- Baldwin D.A. Economic statecraft. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1985. – 410 p.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 1998. – 240 p.
- Connectivity wars: Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future / M. Leonard (Ed.). – L.: European council on foreign relations, 2016. – 222 p.
- Daoudi M.S., Dajani M.S. Economic sanctions: Ideals and experience. – L.: Routledge, 1983. – 264 p.
- Economic sanctions reconsidered / Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. – Wash., DC: Peterson institute for international economics, 2007. – 234 p.
- Golub Ph. Power, profit and prestige: A history of American imperial expansion. – L.: Pluto press, 2010. – 256 p.
- Helms J. What sanctions epidemic? U.S. business' curious crusade // Foreign affairs / Council on foreign relations. – N.Y., 1999. – Vol. 78, Issue 1. – P. 2–8.
- Kagan R. The world America made. – N.Y.: Alfred Knopf publishing, 2012. – 160 p.
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence revisited // International organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – Vol. 41, Issue 4. – P. 725–753.
- Oxenstierna S., Olsson P. The economic sanctions against Russia: Impact and prospects of success / FOI Swedish defence research agency. – Stockholm, 2015. – 90 p.

Power and the purse: Economic statecraft, interdependence, and national security / J.-M.F. Blanchard, E.D. Mansfield, N.M. Ripsman (Eds.). – L.: Frank Cass publishing, 2000. – 344 p.

## Халифат как мера всех вещей: к вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции

С.В. Демиденко

**Аннотация.** Статья посвящена изучению проблемы теории международных отношений через призму исламской религии. Автор анализирует различные аспекты данной темы в широком историческом контексте. В центре исследования – идея создания идеального исламского государства – халифата. Особое внимание уделяется подходам к теории международных отношений представителей исламских конфессий – шиитов различных направлений, радикальных и умеренных суннитов. Проводится прямая связь между традиционными религиозными теориями и современной ситуацией на Ближнем Востоке, где экстремисты пытаются воплотить в жизнь концепцию мирового халифата. Кроме того, значительное место отводится левой, «социалистической», доктрине, приверженцы которой также разработали свой специфический подход к теории международных отношений.

**Abstract.** The article focuses on the problem of Islamic view on the theory of international relations. Author analyses different aspects of this problem in the wide historical context. The research is focused on the idea of Caliphate, the worldwide Islamic state. The special attention is paid to different approaches to the idea of Caliphate: the approach of the Shia, the approach of the moderate and the radical Sunnis. Author sees the direct connection between medieval religious theories and contemporary situation in the Middle East, where radical Sunni try to create perfect Islamic state in Iraq and Syria. Besides, in this article considerable attention is paid to the Arabic socialist doctrine, which developed a special view on the theory of international relations.

**Ключевые слова:** международные отношения, исламский мир, халифат, религия, Ближний Восток, геополитика.

**Keywords:** international relations, Islamic world, Caliphate, religion, the Near East, geopolitics.

При анализе геополитической ситуации, сложившейся в регионе Ближнего и Среднего Востока (так называемый Большой Ближний Восток), любой исследователь сталкивается с весьма важной и сложной проблемой, а именно – с отсутствием специфической, самобытной исламской теории международных отношений.

Как правило, арабские и иные исследователи – выходцы из исламских стран для анализа политической ситуации на субконтиненте пользуются хорошо известными во всем мире концептами, которые принято отождествлять с европейской политической мыслью.

Так можно ли в принципе говорить о существовании традиционной исламской концепции теории международных отношений? По всей видимости, да. Хотя сразу следует оговориться, что в данном случае речь идет о не вполне самостоятельном, испытывающем на себе огромное влияние религии конгломерате идей и взглядов. Именно последний пункт коренным образом отличает мусульманский подход к изучению международной политики от широко известных в мировых научных кругах «западных» концепций – идеализма, плюрализма, рационализма и т.д.

Политическая мысль Ближнего и Среднего Востока религиозна (по крайней мере в видимой своей части) и опирается на представление о божественной сути всего происходящего в мире, о предопределенности. Примат религии над практикой обозначен в качестве ключевого положения во внешнеполитических концепциях ведущих мусульманских держав – Ирана и Саудовской Аравии (две эти страны на сегодняшний день являются – или хотят являться –

лидерами всего мусульманского мира; их противостояние во многом определяет политический облик всего субконтинента) (см., напр.: [Ministry's vision, 2014; The Constitution..., 1995]).

Для традиционного мусульманского понимания системы международных отношений характерны представления об умме – некоей общности народов, исповедующих эту религию, и в контексте этих представлений ведется речь о создании халифата – общеисламского государства во главе с избранным (или принявшим власть по наследству по линии кровного родства с Пророком Мухаммадом) имамом. Именно такой взгляд на систему международных отношений следует считать традиционно исламским.

### **Что же такое халифат?**

Халифат на протяжении всей истории исламского мира воспринимался как некая высшая стадия политического развития уммы: потерянный рай аравийских кочевников – время, когда ислам был важнейшим фактором, определяющим основные тенденции развития глобальной политики и экономики.

В период формирования халифата появился не только арабский мир в нынешних его границах, но и основные, «правильные», с точки зрения консервативных адептов, концепции управления идеальным исламским государством. Именно поэтому данный период имеет такую огромную идейную ценность для всех без исключения мусульманских мыслителей, рассуждающих на тему «особого» политического пути мировой уммы.

На самом же деле арабский халифат никогда не был мифической «землей пресвитера Иоанна», а был классической кочевой империей, которая стала разваливаться практически сразу, как только иссяк завоевательный порыв формировавших ее народов.

Принято считать, что поступательное движение арабских племен сначала на север, в ближневосточные провинции Византийской империи и в сасанидский Иран, а потом на запад – в Африку, где в первой половине VII в. был захвачен Египет, а позже, в начале VIII в., – территории, составляющие современные Ливию, Алжир, Тунис и Марокко, было остановлено франкской пехотой Карла Мартелла под Пуатье (732 г.). Фактически сразу после этого начался долгий период разрушения зыбкой структуры племенного конгломерата арабских завоевателей. Точнее будет сказать, что история халифата в период с VIII по XIII в. (1258 г. – завоевание Багдада монголами и появление легенды о бегстве последнего аббасидского халифа в аюбидский Египет, где его последователи потом «передали корону» османам) следовала печальной тенденции, наметившейся еще в период так называемой первой смуты, которая началась убийством халифа Усмана (644–656) и закончилась смертью халифа Али (656–661). После этого халифат на время обрел стабильность благодаря хитрости и дипломатии Муавии ибн Абу-Суфьяна (661–680), основателя династии Омейядов, однако просуществовал в таком состоянии весьма недолго – после прихода к власти Аббасидов (750 г.) от страны откололась значительная часть в виде испанских владений, где воцарились потомки поверженных омейядов.

Время халифата Аббасидов считается временем процветания ислама, его высшего величия, апофеозом культурного и экономического развития. При этом, если в культуре и экономике мусульманская часть мира именно тогда достигла существенных успехов, в плане политическом на этот период пришлись децентрализация и окончательный распад уммы на суннитов и шиитов. По факту, уже в X в., когда в 945 г. Багдад был захвачен Буидами, закончилась самостоятельная история создателей халифата – непосредственно арабов и началась история народов, деливших и перекраивавших бывшие арабские территории в соответствии со своими захватническими устремлениями.

В X в. от империи были отторгнуты североафриканские территории, которые попали сначала под власть Фатимидов, а затем Аюбидов (Египет). В отдельные периоды значительные части государства на протяжении десятилетий контролировались вышедшими из-под кон-

троля столицы эмирами (Аглабиды, Саманиды, Саффариды и т.д.) или даже повстанческими формированиями (карматы, зинджи).

В 1055 г. в Багдаде воцарились сельджуки. Волны все новых и новых завоевателей захлестывали «исконно мусульманские» земли, однако в политическом хаосе оставался один относительно незыблемый ориентир – религиозная власть багдадского халифа. Потеряв все возможности для реального управления делами в своем государстве, правитель лишь осеял захватчиков, появившихся перед воротами его столицы, духовным авторитетом. Халиф «даровал» завоевателям благословление на то, что они и так уже получили силой оружия.

Авторитет главы общины держался на вере средневекового общества в существование потусторонней связи материального мира с миром, где царствует высшее божество. Связь эта, в представлении исламизированных народов Востока, осуществлялась именно через багдадского правителя, который был наиболее искушенным в вопросах веры человеком. Именно человеком. Для суннитского ислама нехарактерно придание главе общины (кем, собственно, и является халиф) сакрального статуса. В этой системе религиозных взглядов халиф – избранный уммой правитель, мудрец, знаток канонов (шариат) и права (фикх).

Таким образом, можно сказать, что основополагающей идеей традиционной исламской внешнеполитической доктрины является стремление к объединению – под эгидой единого божества и на основах, заложенных в Коране.

И здесь в качестве небольшого отступления необходимо заметить, что разные конфессии исламской религии по-разному видят то, как в идеале должно быть устроено это всеобщее государство.

### **Суннитский халифат**

Согласно суннитской доктрине, халифат не является теократическим государством, поскольку глава его, халиф, не контактирует с Богом и не может вносить изменения в установленные свыше законы. Передача халифом власти наследнику является исключительно светским актом без трансляции на преемника божественной благодати (в этом коренное отличие власти мусульманских правителей от власти европейских королей и императоров – помазанников Божьих, которых молва наделяла способностью творить чудеса, например лечить некоторые болезни наложением рук и т.д.). Халифы издают законы, которые имеют исключительно светский характер, но в то же время могут объявлять то или иное учение «единственно верным» (как это можно наблюдать, например, в Саудовской Аравии, где правящий дом установил примат ваххабитской идеологии над иными направлениями ислама).

Постулат о необходимости избрания халифа дает возможность многим представителям исламского духовенства заявлять, что их религия основана на демократических постулатах (см., напр.: [Кардави, 2011]) и что традиции свободы и независимости издревле присущи этой религии. В таких заявлениях можно усмотреть некий цивилизационный, идейный вызов, который мусульмане бросают европейцам, уверенным в том, что именно они «изобрели» демократию. Да, арабы и другие народы Востока тоже говорят о демократии, но всегда подчеркивают, что их демократия, в отличие от западной, иная – она основана на глубоких традициях и религиозной нравственности и поэтому гораздо более «естественная» [там же].

В контексте подобных рассуждений не может не броситься в глаза, что большинство наиболее развитых мусульманских (в первую очередь, арабских) стран управляются либо абсолютными монархами, либо режимами, имеющими ярко выраженные диктаторские характеристики. Такое положение вещей, казалось бы, диссонирует с изначальной, заложенной еще в первые годы существования ислама идеологической установкой (выборность главы общины). Данная проблема обходится чисто демагогическим методом. Дело в том, что исламские религиозные законы предписывают соблюдать сам принцип выборности первого лица государства, но

не определяют ни количество выборщиков, ни схему избрания. То есть, если халиф или иной исламский правитель назначает при жизни своего преемника, считается, что в целом демократическая процедура соблюдена. Именно по этой схеме престол наследуется в Саудовской Аравии, которая на протяжении долгого времени позиционирует себя как государство, которое в наибольшей степени соответствует стандартам идеального исламского правления (правлящий король первым делом назначает своего преемника, а с начала правления короля Абдаллы (2005 г.) повелось, что преемников двое – наследный принц и его заместитель). Данный принцип в исламской политической доктрине носит название «ихтийяр».

Также считается важным, чтобы население согласилось с выбором монарха. Оно изъявляет свою волю путем принесения клятвы новому правителю – это «байя», второй принцип, на котором должен держаться халифат. И, наконец, поскольку считается, что Пророк Мухаммад никогда не выносил решение единолично, не посоветовавшись с ближайшим кругом сподвижников, существует третий, наиболее важный закон исламского правления – «шура» (совет).

С точки зрения суннитской доктрины, на таких принципах должно быть основано государство, которое в будущем объединит всех мусульман. Именно так видят будущее мира наиболее консервативные адепты традиционного ислама. Не зря глава ИГИЛ (организация, запрещенная в России) Ибрагим Авад Ибрагим аль-Бадри, более известный в мировом информационном пространстве как Абу Бакр аль-Багдади, ныне сменил имя и зовется теперь халиф Ибрагим (а его организация теперь называется «халифат») (см., напр.: [Withnall, 2014; Roggio, 2014]). Здесь также нужно отметить, что ИГИЛ управляется на основе принципа шуры, что в некотором смысле повышает степень живучести этой организации. Ведь лидер ИГИЛ – не абсолютный монарх, замыкающий на себя все руководство структурой, а просто, если так можно выразиться, временный «менеджер», которого в случае смерти или потери дееспособности из-за ранения или болезни можно легко заменить на более подходящего.

Продолжая тему суннитского (в частности, салафитского) радикализма, нельзя не коснуться и такого важного ее аспекта, как представления салафитов о том, каким образом должны выстраиваться отношения исламского государства с остальным миром. Согласно этим представлениям, весь мир делится на три большие зоны: дар аль-ислам, дар аль-харб и дар ас-сулх – земля мира (ислама), земля войны и земля договора.

Земля мира – обозначение всех мусульманских стран, находящихся под властью мусульманского правителя, где соблюдаются законы шариата.

Земля войны – территории за пределами исламского мира, рассматривающиеся как страны, находящиеся в состоянии войны с правоверными. На этих территориях должен осуществляться джихад в форме священной войны за распространение истинной веры.

Земля договора – территории, на которых проживают неисламские народы, заключившие с мусульманами мирные соглашения. Данный термин напрямую связан с еще двумя понятиями – ахл аль-китаб и ахл аз-зимма. Ахл аль-китаб, или «люди писания», – это народы, которым было послано откровение, но которые его либо намеренно исказили, либо неверно истолковали – иудеи и христиане (главным искажением является отсутствие в священных текстах этих двух религий упоминания о Мухаммаде). Ахл аз-зимма, «покровительствуемые», – это иноверцы, признавшие власть мусульман.

В Средние века ахл аль-китаб могли жить по соседству с мусульманами и иметь свои места для оправления культа. До определенного момента правоверные остро нуждались в «людях писания», и подобное относительно мягкое отношение к иноверцам обуславливалось интересами поддержания мира на покоренных территориях, а также необходимостью перенять у местных народов опыт управления и торговли. Кроме того, за иноверцами были закреплены профессии, которыми мусульманам запрещалось заниматься, – например, виноделие или ростовщичество (последнее, кстати, запрещено и в христианстве). Однако «искажившие писание» не могли сосуществовать с правоверными на равных правах, и для интеграции их в

мусульманское общество приблизительно в VIII в., был изобретен механизм уплаты специфических налогов – хараджа (от половины до двух третей урожая) и джизьи – подушной подати. При этом правоверные уплачивали только ушр (десятину) и «праведные» подати – закят (налог на бедных) и садаку (милостыню). Несколько позже харадж и джизью перестали различать, и сегодня в кругах консервативных мусульман используется лишь один термин – джизья. Джизья рассматривалась (и рассматривается до сих пор) как выкуп за сохранение жизни (по некоторым данным, боевики ИГИЛ в Мосуле именно так поступили с местными христианами – заставили выплачивать подушную подать [Боевики ИГИЛ., 2014]). Платить джизью должны были все взрослые мужчины, за исключением дряхлых стариков, калек и рабов, а размер зависел от материального положения налогоплательщика.

Через уплату джизьи ахл аль-китаб приобретали легальный статус ахл аз-зимма, «покровительствуемых», и могли, как уже говорилось выше, жить и работать рядом с мусульманами, хотя при этом их бытие было подчинено ряду запретов и ограничений – нужно было носить одежду, отличавшуюся от одежды правоверных, запрещено было строить новые святилища, отправлять свои обряды таким образом, чтобы это видели мусульмане, и т.д.

В эпоху раннего Средневековья, когда термин дар ас-сулх был введен в «научный» обиход, подразумевалось, что «территории договора» были населены представителями ахл аль-китаб, которые через джизью становились ахл аз-зимма. То есть в глобальном плане термин дар аль-сулх подразумевает, что мир на «территории договора» обеспечивается условиями частичного подчинения «немусульман» догматам шариата. Если джизья не будет выплачена, «территория договора» автоматически потеряет свой статус, переходя в разряд «территории войны», дар аль-харб.

Можно было бы предположить, что деление стран по принципу принадлежности их населения к истинной вере – анахронизм, изжитый много веков назад, который сегодня исповедуют лишь самые оголтелые консерваторы. Однако многие адепты радикального ислама до сих пор отстаивают подобное «биполярное» (как мы уже показали, разница между терминами дар аль-харб и дар ас-сулх очень зыбкая) видение мира. Известный мусульманский богослов Юсуф аль-Кардави посвятил данной проблеме несколько книг (см., напр.: [Исламская политика., 2006]). Сегодня влияние аль-Кардави на умы молодых мусульман сложно переоценить. Его считают своим духовным лидером и члены организации «Братья-мусульмане» [Smolczyk, 2011], и тунисские консерваторы, которые еще не так давно были активнейшими участниками «второй жасминовой революции» [Spencer, 2011], в результате которой пал режим президента Бен Али, и даже представители движения ХАМАС [Ayoub, 2013]. Сегодня проживающий в Катаре муфтий аль-Кардави при поддержке официальной Дохи распространяет свои взгляды в том числе и через посредство такого мощного информационного ресурса, как канал «Аль-Джазира» (многие тексты которого, по некоторым данным, он также сам редактирует [Львов, 2012]).

Теперь, обрисовав в общих чертах представление о политическом устройстве мира в представлении суннитских богословов, нужно коснуться отношения шиитов к данной проблеме.

## **Шиитский мир**

В целом представители этой конфессии также исходят в своих рассуждениях из принципа необходимости объединения всех мусульман в границах единого богоспасаемого государства. Однако о персоне халифа у шиитов иное представление: халиф-имам наделен особым знанием, передающимся по линии кровного родства с Пророком. То есть право на управление общиной имеют лишь прямые потомки Али (четвертый праведный халиф, двоюродный

брат и зять Мухаммада) и Фатимы (младшая дочь Пророка), обладающие некими сакральными характеристиками, «божественным светом».

Имам, в представлении шиитов, может посредничать, выступая от имени всех правоверных перед Аллахом, скрываться, когда это необходимо, и возвращаться в мир в качестве мессии («аль-махди»). Разные направления шиизма, равно как и секты (если этот термин вообще применим к исламу), которые также принято по умолчанию относить к ответвлениям этой конфессии, приносили в теорию халифа-имамата собственные представления и по-своему трактовали генеалогию потомков Али. Имамита признают двенадцать имамов, исмаилиты – семь, алавиты и али-иллахи обожествляют Али, у друзов имеется свой имам – Хаким и т.д. Однако в условиях постоянного прессинга, которому сунниты, коих на пространствах мусульманских земель всегда проживало подавляющее большинство, подвергали шиитов, последователи Али вынуждены были постоянно подстраивать свою доктрину под меняющиеся политические обстоятельства. Таким образом сформировалась политическая теория, согласно которой глава общины – имам – находится в сокрытом состоянии, а миссию по реальному управлению осуществляет его заместитель из числа наиболее искушенных богословов – факихов (принцип «веляет е-факих»). Данный подход нашел свое отражение в политическом устройстве Исламской Республики Иран [Конституция..., 1979].

Согласно Конституции ИРИ, верховная власть в стране сосредоточена в руках духовного лидера – рахбара, замещающего отсутствующего имама. Рахбар вместе с ближайшими сподвижниками – членами различных религиозных советов (в первую очередь, Совета экспертов) – формирует внешнеполитический курс Исламской Республики. До недавнего времени международные отношения были прерогативой исключительно шиитского духовенства. Несколько поменялась ситуация только в период правления президента Махмуда Ахмадинежада (2005–2013). Приход этого политика к власти в Иране совпал по времени с началом активизации в регионе Большого Ближнего Востока Соединенных Штатов, которые на тот момент ставили целью (на волне эфемерного, как оказалось, иракского успеха) свержение в том числе и клерикалов в Тегеране. В подобной ситуации аятоллы видели в Ахмадинежаде будущее иранской политики – молодого лидера, способного повести за собой народ в условиях усиления международного прессинга империалистов. В этой связи новому президенту был передан ряд полномочий по выработке и принятию внешнеполитических решений. Однако Ахмадинежад не оправдал доверия, и нынешний глава страны Хасан Рухани теперь тщательно сверяет свои политические часы с Кумом.

Сразу следует оговориться, что рахбар не является абсолютным монархом. В отличие от суннитских правителей Катара, Саудовской Аравии, отдельных эмиратов, составляющих ОАЭ, власть верховного факиха жестко ограничена. Во-первых, его избирают. Избирают члены Совета экспертов, которые в свою очередь попадают в этот орган путем всенародного тайного голосования. Во-вторых, те же самые эксперты могут отправить рахбара в отставку, если сочтут, что он по тем или иным причинам не может более выполнять возложенный на него Конституцией страны набор функций. В-третьих, как уже понятно из вышеизложенного, полномочия рахбара четко прописаны в Основном законе. Да, они весьма обширные, но не исключительные [там же].

Именно в этом и заключается феномен исламской демократии иранского образца. В отличие от суннитов, приверженных схоластическим упражнениям, шииты выработали весьма специфическую систему управления государством, которую нельзя однозначно отождествить ни с одной из широко известных государственных систем мира.

В некотором смысле систему управления ИРИ можно считать довольно громоздкой, поскольку она состоит из двух ветвей – светской, которая представлена вполне традиционными органами: президентом, правительством, парламентом, – и религиозной, дублирующей ее функции (Совет экспертов, Совет стражей Конституции, Совет по определению целесооб-

разности принимаемых решений). При этом на религиозную ветвь власти возложена также надзирательная функция. Клерикалы – члены советов оценивают все принимаемые светской частью властного истеблишмента решения на предмет соответствия их исламской догматике (это также один из важнейших принципов истинного исламского правления, известный под названием «ахл аль-халл ва аль-акд»).

В этой связи «либеральность» иранской модели управления не стоит переоценивать. В руках религиозной элиты имеется такой важный орган, как Совет стражей Конституции (состоит из двенадцати членов – представителей духовенства: шестерых назначает рахбар, шестерых – парламент по представлению главы судебной власти). Совет стражей Конституции инспектирует решения меджлиса и одобряет кандидатов на все высшие государственные должности (в том числе и на выборные – президент, депутаты парламента и т.д.). То есть через сито этого совета не может пройти ни один не угодный клерикальному руководству кандидат. В то же время и само клерикальное руководство отчасти зависимо от воли населения, поскольку ключевой орган этой структуры – Совет экспертов – формируется путем всеобщего голосования.

Применительно ко внешней политике, проводимой единственным в мире шиитским государством, данную ситуацию можно интерпретировать следующим образом. Высший государственный пост – пост президента – занимают лишь те политики, чьи взгляды и программа соответствуют взглядам и программе клерикального руководства. Когда во второй половине 1990-х годов в отношениях ИРИ и США наблюдалась определенная разрядка, во главе страны был относительно либеральный Мухаммад Хатами; когда на рубеже веков Вашингтон явил миру свой план преобразования Ближнего Востока, на сцену вышел радикальный и харизматичный Махмуд Ахмадинежад, начавший развивать ВПК Ирана и его ракетные программы; а когда вновь назрела необходимость в разрядке, страну возглавил мудрый и расчетливый Хасан Рухани, сумевший преодолеть (хотя еще и не полностью) режим международного эмбарго.

Исключительное место во внешнеполитической концепции Исламской Республики занимает принцип национального суверенитета. Уже в преамбуле к Конституции ИРИ говорится, что исламская революция произошла как ответ народа на «империалистический» заговор США. То есть фактически основная цель внешней политики государства сформулирована как борьба с экспансией колониальных держав в лице их признанного лидера – Соединенных Штатов [Конституция..., 1979].

Преобразование шахского Ирана в Исламскую Республику в 1979 г. придало геополитическим позициям Тегерана новый, революционный смысл. Если в период правления Мухаммада Резы Пехлеви (1941–1979) страна считалась твердым и последовательным союзником Запада, то с приходом к власти шиитских аятолл антиколониальный тренд в ее политике стал превалирующим. Разворот Ирана на 180 градусов оказался неприятным сюрпризом как для Вашингтона, так и для Лондона, которые уже привыкли в формировании своих стратегий на Ближнем и Среднем Востоке полагаться на эту послушную во всех отношениях персидскую монархию (особо в данном контексте следует отметить участие Ирана в антисоветском блоке СЕНТО). Тем не менее, хотя Вашингтон потерял союзника, это не принесло ничего хорошего и оппонировавшему Североатлантическому альянсу Советскому Союзу. Обновленный Тегеран строго придерживался курса на противостояние любым попыткам «колонизировать» страну, откуда бы они ни исходили. Для аятолл и западный «хищнический» либерализм, и советский атеистический коммунизм были чужды в одинаковой степени.

То, что шиитская составляющая исламской концепции международных отношений носит ярко выраженный конфликтный характер, как нельзя лучше подтверждается ст. 154 Конституции ИРИ, где говорится буквально следующее: «Исламская Республика Иран, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую

борьбу угнетенных против угнетателей во всем мире» [Конституция..., 1979]. То есть Иран позиционирует себя как самодостаточное, не нуждающееся в сильных союзниках государство, главной задачей которого является борьба с глобальной несправедливостью (данный тезис в целом роднит шиитскую концепцию с концепцией радикальных исламистов, подробнее о которой будет сказано ниже).

В целом можно отметить, что представление об «особости» иранского пути органично вытекает из «особости» шиизма, который не случайно получил распространение именно на территории будущей Исламской Республики. Для народа Персии-Ирана издревле было характерно восприятие своей страны как некоего центра обитаемой вселенной. Страна, имеющая глубокие дипломатические и культурные традиции, а также историю, уходящую корнями в эпоху античности, не могла просто так смириться с тем, что была завоевана полчищами бедуинов, которых персы долгое время вообще не считали за людей.

Сокрушительное поражение сасанидского Ирана в войне против мусульман (которого, кстати, избежал извечный соперник персов – Византийская империя) привело к появлению на просторах молодого исламского мира крайне специфического во всех отношениях образования. Идеи выборности главы общины, равно как и отсутствия у него сакральных характеристик, были чужды персам. На территории Ирана со времен Ахеменидов (VII–IV вв. до н.э.) были распространены представления о божественной сущности передаваемой по наследству высшей власти. Именно в контексте этих идеологем и сформировалось восприятие ислама местным населением, принявшим и творчески разработавшим шиитскую версию религии в качестве идейного направления, оппонирующего исламу арабов-суннитов.

После поражения и гибели в 680 г. третьего имама Хусейна основные угрозы для халифата стали исходить именно с шиитских территорий. Сначала под ударами шиитского восстания рухнуло правление потомков Муавии, затем часть квазигосударства попала под контроль Фатимидов, и, наконец, Аббасиды лишились полноценной власти вследствие гражданской войны, развязанной шиитской династией Буидов.

Долгие годы противостояния сначала суннитам (сперва в качестве составной части Великого халифата, после – в качестве самостоятельного государства – сефевидского Ирана), а затем колонизаторам – англичанам и русским – приучили шиитов к перманентной борьбе. А из специфической, нехарактерной для большинства мусульман трактовки ислама родилось представление об особой миссии шиитского духовенства и иранского народа – миссии объединения всех мусульман под эгидой Тегерана без учета конфессиональных различий.

Иранские официальные лица все чаще говорят о том, что различия между исламскими конфессиями надуманы и что Иран относится ко всей умме как к братьям по вере. Так, летом 2014 г. глава Совета по определению целесообразности принимаемых решений А. Хашеми-Рафсанджани провел встречу с ведущими улемами и политическими лидерами суннитских общин Ирана. В своей приветственной речи аятолла заявил, что Иран не делает различий между суннитами и шиитами и готов защищать права всех мусульман, вне зависимости от конфессиональной принадлежности [Serjoie, 2014].

Особенно ярко данное положение внешнеполитической парадигмы ИРИ воплощается в отношении Тегерана к палестинскому вопросу. В контексте противостояния «малому сатане» Израилю ИРИ не гнушается даже контактами с палестинскими религиозными радикалами.

В начале 2013 г. глава МИД Ирана Д. Зариф встретился в Бейруте с главой организации «Исламский джихад Палестины» Рамаданом Абдуллоу. Согласно данным иранских СМИ, в ходе переговоров обсуждались вопросы, касающиеся обострения обстановки в Ливане, где все большую силу на фоне гражданской войны в соседней Сирии набирали противоречия между основными этноконфессиональными общинами страны (см.: [Демиденко, 2014]).

Что же касается другой палестинской радикальной организации ХАМАС, то связи с ней были частично разорваны Ираном после того, как многие палестинцы в гражданской войне в

Сирии выступили на стороне антиасадовских сил. Однако в начале 2014 г. и Тегеран, и руководство ХАМАС озвучили намерение восстановить прежние связи. В частности, глава политбюро ХАМАС Халед Машааль заявил, что его организация всячески стремится к тому, чтобы вывести отношения с ИРИ на прежний, «довоенный» уровень [Balousha, 2014]. Дополнительным стимулом для ИРИ и ХАМАС стала беспрецедентная по продолжительности и количеству жертв с обеих сторон операция ЦАХАЛ в Секторе Газа «Нерушимая скала» (июль–август 2014 г.). По словам рахбара Исламской Республики А. Хаменеи, именно после израильской атаки на палестинские территории стороны начали более активно урегулировать свои разногласия. Также Хаменеи призвал весь исламский мир встать на защиту братьев в Палестине [Serjoie, 2014].

Но не только религиозные деятели развивали концепцию общеисламского государства. Создание халифата являлось идеей фикс мусульманских националистов и социалистов.

### **«Светский» халифат**

Впервые идея сплочения мусульман на новых прогрессивных основах была сформулирована Джамалом ад-Дином аль-Афгани (полное имя Мухаммад ибн Сафдар Джамал ад-Дин аль-Афгани, годы жизни 1839–1897). С именем этого человека связывается рождение такого направления мусульманской политической мысли, как панисламизм.

Джамал ад-Дин аль-Афгани родился в Восточном Афганистане. Религиозное образование получил в Кабуле, светское – в Индии (писал по-персидски, по-арабски и по-французски). Участвовал в войнах местных феодалов, потом эмигрировал, долго жил за границей и много путешествовал. Знакомство с западным миром, его системой образования и организацией хозяйственной жизни убедили аль-Афгани в необходимости модернизировать исламское общество. Традиционный мир, основанный на религиозных ценностях и отрицающий прогресс, не мог противостоять экспансии могучей в материальном отношении западной цивилизации. В этом аль-Афгани был совершенно уверен. Он выдвинул идею о необходимости объединения мусульман не только на религиозных основах, но и на основе экономического и технологического прогресса. Залог успешности традиционного мира этот мыслитель напрямую увязывал со степенью его приспособляемости к изменяющимся условиям глобального капиталистического уклада.

Аль-Афгани всегда подчеркивал необходимость развития светских наук, образования, равно как и новых тенденций в экономике (развитие промышленности). Особое место в его концепции занимал такой важный аспект, как характер системы управления. С одной стороны, аль-Афгани отстаивал идею «спасения» исламского мира через правление праведного монарха, с другой – говорил о необходимости ограничения абсолютной власти правителя путем введения западных «либеральных» институтов – парламента, конституции и т.д. Видимо, именно с последним обстоятельством связан тот факт, что мусульманский мыслитель хотя и был весьма популярен среди простых людей и представителей среднего класса, так и не получил поддержки у сильных мира.

Интеллектуальный вклад аль-Афгани в формирование исламской политической мысли сложно переоценить. На основе выдвинутых им лозунгов формировались революционные платформы республиканского движения в Иране (1905–1911) и египетских реформаторов второй половины XIX в. (признанным лидером египетских «либералов» на тот момент был ученик аль-Афгани Мухаммад Абдо). Его мысли нашли воплощение в постулатах младотурецкого движения (организация «Единение и прогресс») и в несколько измененном виде оказались приняты рядом консервативных группировок.

Также, вне всякого сомнения, можно сказать, что именно на основе концепций аль-Афгани сформировалась система взглядов, которая еще не так давно в мировом научном пространстве была известна как «арабский социализм».

Однозначно трактовать этот термин сложно. Под арабским социализмом подразумевается конгломерат идей, возникших в первой половине XX в. в арабских странах в среде молодых интеллектуалов и среднего офицерства (Г.А. Насер, баасисты М. Афляк и С. Битар, М. Каддафи, Х. Бумедьен и т.д.). На внутривнутриполитическом уровне арабские «левые» отстаивали необходимость создания сильного государства с мощной промышленностью, основанной на государственной собственности, с централизованной властью одной партии и с сильной армией. При этом, в отличие от своих европейских коллег, арабские социалисты никогда полностью не отвергали принцип частного предпринимательства. Принцип существования двухкладной экономики является, пожалуй, главной отличительной чертой арабских «левых» доктрин. Частная инициатива ограничивалась, но нигде не подавлялась полностью (далее всех по пути наступления на «предпринимателей» продвинулся Муаммар Каддафи, но и он не стал полностью ликвидировать частное предпринимательство, оставив определенное поле для предпринимательской деятельности в области сельского хозяйства).

Что же касается внешнеполитических воззрений ближневосточных «левых», то они вполне укладываются в уже известную схему, основанную на двух главных постулатах – необходимости политического объединения и продолжении борьбы за освобождение от западных колонизаторов. То есть в международном плане арабские националисты и социалисты (грань между этими двумя доктринами весьма зыбкая, а порой и не прослеживается вообще) фактически остались приверженцами парадигмы, разработанной еще мусульманскими богословами раннего Средневековья. Отличие состоит лишь в том, что общее государство, с точки зрения «левых», должно объединять не всех мусульман, а только арабские народы. В данном случае не стоит обращать внимание на то, что «левая» парадигма утверждает необходимость построения светского государства. В арабском политическом контексте ни в коем случае нельзя отрывать религию от политики. И социалисты, и коммунисты – выходцы из арабских стран – неизменно подчеркивали, что их концепции коренным образом отличаются от «вредоносных» западных идей, навязывающих мусульманам чуждую секулярную идеологию.

Арабские «левые», в отличие от своих европейских и американских коллег, всегда отмечали связь своей идеологии с религией. Именно эта связь делала их учение (на самом деле, крайне эклектичное) оригинальным, исконно мусульманским. Даже самый радикальный из арабских «леваков» М. Каддафи назвал ислам в качестве одного из трех основополагающих принципов своей «третьей мировой теории» (наряду с социализмом и национализмом).

Конечно, возникает серьезное искушение объявить арабский социализм порождением советской системы – в том смысле, что только благодаря помощи извне «левая» доктрина в исламском мире просуществовала такое долгое время (период ее «господства» на арабском Востоке можно, с определенной долей условности, отсчитывать от египетской революции 1952 г. и заканчивать, вероятно, 1987 г., когда от социалистических концепций начал отказываться самый яростный их приверженец – М. Каддафи). Однако подобная постановка вопроса не совсем верна. Да, социалистический лагерь установил весьма теплые отношения с «арабскими товарищами», тем самым включив их в систему «биполярного мироустройства», но произошло это далеко не сразу, и тот же Египет всегда позиционировал себя не только как союзник СССР, но и как один из основоположников Движения неприсоединения: не случайно до первого визита Г.А. Насера в СССР, состоявшегося в 1958 г., в Москве к «первому арабскому социалисту» относились крайне сдержанно и даже с подозрением (см., напр.: [Примаков, 2012, с. 76–81]). Что уж говорить о Ливийской Джамахирии, главе которой приписываются слова: «Что Киссинджер, что Косыгин – разницы нет. Оба враги» (цит. по: [Бартенев, 2009, с. 37]). Между СССР и исламскими социалистами был заключен временный союз, от которого послед-

ние стали постепенно отказываться после 1972 г., когда выяснилось, что развивающимся экономикам молодых государств требуются значительные инвестиции (в первую очередь, это касалось Египта, который в 1976 г. разорвал Договор о дружбе с СССР; позже, после смерти Хуари Бумедьена в 1978 г., по тому же капиталистическому пути двинулся и Алжир).

Объединение на традиционных основах долгое время виделось арабским «левым» как вполне состоятельный перспективный цивилизационный проект. Однако на практике воплотить его они так и не сумели. Ближе всего к реализации этой идеи подошли египетский президент Гамаль Абдель Насер и сирийские баасисты Мишель Афляк и Салах ад-Дин Битар, создавшие в 1958 г. Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Это, в общем-то, искусственное квазигосударственное образование просуществовало около трех лет, а потом было разрушено в результате военного переворота (28 сентября 1961 г.), организованного сирийскими военными.

Однако, несмотря на то что ОАР прекратила свое существование из-за действий сирийских военных, нужно отметить, что в 1957 г. именно сирийские политики выступили с идеей объединения. М. Афляк и С. Битар были твердо убеждены, что союз с динамично развивающимся Египтом, во главе которого стоял энергичный и талантливый вождь, даст нестабильной Сирии импульс для более активного развития. Однако действительность оказалось иной: Египет, имевший к тому моменту более сильную экономику и государственную власть, полностью подавил «сирийский район». Под прессингом могучего соседа оказались разбалансированы и незрелое народное хозяйство Сирии, и вся модель управления. Г.А. Насер, избранный главой страны путем референдума, запретил в ОАР все партии и ограничил политическую жизнь. Это стало ударом для баасистов, не ожидавших такого развития ситуации. В результате вместо прогресса и экономического роста в Сирии начался застой и упадок. Как итог – военный переворот, который, хотя и разрушил ОАР, тем не менее не ухудшил кардинальным образом отношения между двумя странами. Отказавшись от идеи объединения, Дамаск и Каир подтвердили курс на сотрудничество.

Другие объединительные проекты, например, инициированные Хашимитами (объединение Ирака и Иордании в рамках доктрины Великой Сирии, или Благодатного полумесяца) или Муаммаром Каддафи (проекты Федеративной арабской республики в составе Ливии, Египта и Судана, попытки слияния с Тунисом и т.д.), оказались еще менее состоятельными и завершились скоротечной египетско-ливийской войной в 1977 г.

Теоретические выкладки мусульманских мыслителей вступили в жесткое противоречие с исторической действительностью. Оказалось, что даже при наличии общей религии и – с некоторыми оговорками – общего языка (диалекты арабского языка настолько различны, что выходцы из Западного Магриба вряд ли поймут жителей Йемена или Омана), культурно-историческая и экономическая реальность исламских регионов никоим образом не способствовала единству. Арабские и иные мусульманские страны развивались крайне неравномерно, да и прогресс их был довольно условен (успехи одних были связаны с помощью стран социалистического лагеря, других – с эксплуатацией национализированных недр). Вдобавок в большинстве мусульманских стран давали о себе знать серьезные этноконфессиональные проблемы, обострившиеся на фоне перманентной социально-экономической напряженности.

До определенного момента видимость единства поддерживалась за счет наличия у арабов общего врага в лице Израиля, однако и эта схема была разрушена подписанием в 1979 г. мирного договора между Израилем и Египтом (а позже, в 1994 г., – договора с Иорданией). Фактически поражения арабских армий в войне с еврейским государством привели к крушению «левой» националистической парадигмы с ее идеей политического единства всех арабских народов. После шестидневной войны 1967 г. в мире ислама вышло весьма четкое понимание того факта, что на «социалистических» основах невозможно добиться изменения глобального порядка, несправедливого по отношению к государствам Западной Азии, и что предлага-

емая «левыми» доктрина несостоятельна ни в экономическом, ни в международном аспектах. Следствием этого стал отказ от попыток объединения и формирование внешнеполитических доктрин, которые базировались не на концепциях общемусульманского (или общеарабского) братства, а на национальных интересах каждой страны. Однако полностью отрешиться от объединительных идеологем мусульманский мир не смог, и происходящие сегодня на Востоке события как нельзя лучше свидетельствуют в пользу именно этого утверждения.

Дело в том, что значительное количество проблем мусульманских стран (и арабский мир здесь, наверное, наиболее показателен) является следствием «искусственного» происхождения большинства государств этого субрегиона: они были созданы в результате заключенного в 1916 г. знаменитого договора Сайкса–Пико (Сазонова), согласно которому восточные владения Османской империи делились между державами, претендовавшими на победу в Первой мировой войне.

В результате после крушения Османской империи нынешние Сирия и Ливан оказались под властью Франции; Палестина, Израиль, Иордания, Ирак – в зоне британского влияния. Сразу следует оговориться, что до окончания Первой мировой войны ни одно из ближневосточных государств не существовало как независимая политическая единица. Все они были созданы в результате передела «турецкого наследия» Лондоном и Парижем в рамках означенной выше системы Сайкса–Пико (Россия, по условиям сделки, должна была получить проливы Босфор и Дарданеллы, но, поскольку она вышла из Первой мировой войны, заключив сепаратный договор с Германией, передел турецких владений происходил без российского участия). Новые колонизаторы проводили границы, исходя из соображений политической конъюнктуры, без учета этнической и конфессиональной специфики бывших османских территорий. Даже первые серьезные конфликты, такие как мосульский кризис (1918–1925), возникшие в период создания новых границ, не насторожили европейские столицы. Желание обладать новыми территориями было сильнее чувства ответственности за судьбы населяющих их народов.

Действия европейских столиц создали в исламском мире такую политическую реальность, в которой новые государства были обречены находиться в состоянии постоянно тлеющего гражданского конфликта, – когда разные этнические и конфессиональные группы, зажатые рамками искусственных границ, вынуждены были бороться друг с другом за политическое влияние, за контроль над полезными ископаемыми, за водные ресурсы. Осознание несправедливости созданного колонизаторами порядка породило в арабском, и в целом в исламском, обществе протестные идеологии в форме панисламизма и панарабизма. Эти идеологии ставили целью изменить систему международных отношений единственно возможным в подобных условиях способом – при помощи объединения на традиционных основах.

Фактически можно говорить о том, что мусульманский мир и по сей день борется с системой Сайкса–Пико. Именно ее считают на Востоке корнем всех бед. И нынешние события в Сирии и Ираке являются в какой-то мере продолжением этой борьбы.

Нужно отметить, что, когда социалистические концепты исчерпали себя, а пришедшие к власти во многих мусульманских странах под «левыми» лозунгами националистические движения со временем превратились в авторитарные коррумпированные режимы, на политическую сцену вновь вышли исламисты. Сегодня олицетворением их могущества является ИГИЛ – террористическая организация, которая, как и ее «социалистические предшественники», говорит о своем стремлении разрушить несправедливую систему Сайкса–Пико и на ее руинах создать подлинно исламский проект – халифат. (О том, что борьба против геополитического наследия колониализма стоит во главе угла в политической концепции ИГИЛ заявляют не только идеологи радикалов, но и ведущие отечественные эксперты-исламоведы. См., напр.: [Торин, 2015].)

На сегодняшний день руководство ИГИЛ полагает, что ядро будущего всемирного исламского государства уже создано (оно включает в себя территории Центрального Ирака и ряд

сирийских провинций – Идлиб, Ракка, Дейр-эз-Зор), а во главе этого государства стоит избранный по всем правилам правитель – халиф. Важно, что биографы аль-Багдади возводят его генеалогию к племени Курейшитов, к которому принадлежал и основатель ислама [Zelin, 2014], а также подчеркивают идейную связь главы ИГИЛ с виднейшими мусульманскими богословами (сообщается, в частности, что в начале 2000-х годов, после получения степени доктора философии в университете Аль-Иракия на факультете изучения исламских наук, аль-Багдади проповедовал в мечети имама Ахмада ибн Ханбала в Самарре [Ibid.]).

Родственная связь с близкими к Пророку семействами крайне важна для легитимации любого лидера, претендующего на звание главы суннитов. Именно с этим обстоятельством связаны попытки вывести род аль-Багдади из Курейшитов (западные эксперты оппонируют этой точке зрения, заявляя, что на самом деле лидер ИГИЛ происходит из иракского племенного клана Альбу аль-Бадри, кочевавшего в районе городов Самарра и Дияла [Zelin, 2014]). Однако и в том и в другом случае претензии аль-Багдади на титул халифа оказываются несостоятельными, поскольку, согласно исламской традиции (данное положение принимается и суннитами, и шиитами), халифом может стать только человек из рода Хашим. Поэтому нельзя исключить, что в самое ближайшее время специалисты по генеалогии главы ИГИЛ обнаружат родственную связь нового халифа с Хашимитами (правда, неизвестно, как на такие сведения отреагируют, например, в Аммане).

Таким образом, можно сказать, что преобладающей теоретической концепцией международных отношений в исламском мире является идея единого государства – халифата. Она не особенно изменялась с течением времени, а лишь обретала новые воплощения, являясь то в панисламистской, то в «левой» ипостасях, при этом ее суть – объединение на традиционных основах для достижения процветания – оставалась неизменной.

Сегодня основными носителями идеи халифата являются представители радикальной части суннитской общины, которые видят в ее реализации перспективу возрождения уммы на основе всеобщего братства и социальной справедливости (ключевая мысль так называемой ваххабитской традиции). Эта идея приобрела весьма консервативные, порой даже отталкивающие для умеренной части мусульман формы, поскольку напрямую увязана с концепцией «трех земель», антагонистических по отношению друг к другу. Однако сама политическая реальность Ближнего и Среднего Востока, порожденная дестабилизацией Ирака и «арабской весной», создала обширную базу для поддержки консервативных концепций среди молодых мусульман.

Большинство адептов ИГИЛ видят в халифате единственную возможность для личного роста, а также для утверждения гармоничного миропорядка, в котором не будет угнетения одних народов другими (в том числе и посредством навязывания народам чуждых идеологий, а также неприемлемых территориальных разграничений в стиле Сайкса–Пико). Поэтому идея халифата сегодня как никогда связана с идеей борьбы – с борьбой против западного мира, к которому приверженцы халифата относят не только Европу и США, но и весь дар аль-харб, т.е. и Россию в том числе.

### Список литературы

Бартенев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969–2008. – М.: Ленанд, 2009. – 448 с.

Боевики ИГИЛ в Мосуле обложили христиан податью // News.ru. – М., 2014. – 26.06. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/arch/religy/26jun2014/jizya.html> (Дата обращения – 10.07.2016).

Демиденко С.В. Региональная политика Ирана: Новое начало? // РСМД. – М., 2014. – 10.12. – Режим доступа: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=4931#top-content](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4931#top-content) (Дата обращения – 10.07.2016).

Исламская политика глазами известных ученых // Islam News. – М., 2006. – 05.07. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-6039.html> (Дата обращения – 10.07.2016).

Кардави Ю. Истинно исламский строй – республиканский // ЦентрАзия. – М., 2011. – 17.11. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321506600> (Дата обращения – 10.07.2016).

Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1979. – 15.11. – Режим доступа: [http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution\\_of\\_iran.pdf](http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf) (Дата обращения – 10.07.2016).

Львов П.П. Катар: Карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? // Война и мир. – М., 2012. – 21.01. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/65956/> (Дата обращения – 10.07.2016).

Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М.: Рос-сийская газета, 2012. – 448 с.

Торин А. Чем грозит Европе новая миграционная волна? // Международная жизнь. – М., 2015. – 17.09. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/13764> (Дата обращения – 10.07.2016).

Ayyoub A. Visit by Egyptian cleric to Gaza divides Palestinian leaders // Al-Monitor. – Wash., DC, 2013. – 13.05. – Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/05/qaradawi-hamas-gaza.html#> (Дата обращения – 10.07.2016).

Balousha H. Hamas and Iran rebuild ties three years after falling out over Syria // The Guardian. – L., 2014. – 09.01. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2014/jan/09/hamas-iran-rebuild-ties-falling-out-syria> (Дата обращения – 10.07.2016).

Ministry's vision / Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of foreign affairs. – Riyadh, 2014. – 10.27. – Mode of access: <http://www.mofa.gov.sa/sites/mofaen/aboutMinistry/vision/Pages/default.aspx> (Дата обращения – 10.07.2016).

Roggio B. ISIS announces formation of caliphate, rebrands as «Islamic state» // The Long War J. – Wash., DC, 2014. – 29.06. – Mode of access: [http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/isis\\_announces\\_formation\\_of\\_ca.php](http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/isis_announces_formation_of_ca.php) (Дата обращения – 10.07.2016).

Serjoie K.A. One result of the Gaza conflict: Iran and Hamas are back together // Time. – N.Y., 2014. – 19.08. – Mode of access: <http://time.com/3138366/iran-and-hamas-alliance-after-gaza-war/> (Дата обращения – 10.07.2016).

Smolczyk A. Islam's spiritual «dear abby»: The voice of Egypt's Muslim Brotherhood // Spiegel International. – Hamburg, 2011. – 15.02. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/world/islam-s-spiritual-dear-abby-the-voice-of-egypt-s-muslim-brotherhood-a-745526.html> (Дата обращения – 10.07.2016).

Spencer R. Qaradawi hails Tunisian revolution, says Islamic nations must support it // Jihad Watch. – Sherman Oaks, CA, 2011. – 23.01. – Mode of access: <https://www.jihadwatch.org/2011/01/qaradawi-hails-tunisian-revolution-says-islamic-nations-must-support-it> (Дата обращения – 10.07.2016).

The Constitution of the Islamic Republic of Iran / Islamic Republic of Iran. Ministry of foreign affairs. – Tehran, 1995. – Mode of access: <http://en.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=3&pageid=2144> (Дата обращения – 10.07.2016).

Withnall A. Iraq crisis: Isis declares its territories a new Islamic state with «restoration of caliphate» in Middle East // Independent. – L., 2014. – 30.06. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-declares-new-islamic-state->

in-middle-east-with-abu-bakr-al-baghdadi-as-emir-removing-iraq-and-9571374.html (Дата обращения – 10.07.2016).

Zelin A.Y. Abu Bakr al-Baghdadi: Islamic state's driving force // BBC. – L., 2014. – 31.07. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28560449> (Дата обращения – 10.07.2016).

## **«Новая нормальность» китайской внешней политики? <sup>1</sup>**

А.С. Пятачкова

**Аннотация.** В последнее время Китай проявляет «напористость» в международных вопросах, в то время как ранее он предпочитал, скорее, оставаться в тени, ссылаясь на необходимость решения внутренних проблем. Количество внутренних вызовов вряд ли уменьшилось, однако сейчас Китай позиционирует себя как активный и ответственный игрок на международной арене. В статье предпринимается попытка определить опорные точки современной китайской внешнеполитической стратегии, исходя из новых международных и внутриполитических условий.

**Abstract.** Recently China has become more assertive in its foreign policy whereas previously the PRC preferred not to interfere much into international issues and solve its inner problems. Hard to say that there are less urgent matters in China but now it is trying to interact as an active and responsible player. This article analyzes contemporary China's foreign policy strategy taking into account new international and domestic conditions.

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (2015–2016).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.